

РАССКАЗЫ

БАБА МАНЯ

Утром позвонила соседка, посопела в трубку, сообщила дрогнувшим голосом:

- Баба Маня умерла. Бабу Маню помнишь?
- Бабу Маню? — переспрашиваю неуверенно.

И вдруг явственно вижу вечерние синие снега, зимнее небо с первой звездой, вереницу мальчишек, плывущих через сугробы. Это мы идем покойников дозорять. Сыпучий сухой снег доходит нам до пояса, и мы плывем, разметая его полами своих пальто, пробираемся за ручей к одиноко стоящей на пригорке часовне. Там, в этой деревянной избушке, лежат на полках голые мертвецы. Мы останавливаемся невдалеке, и только Колька и Славка, как самые отчаянные, подступают к мертвецкой, заглядывают в окошко. В окошке — непроглядный мрак. Колька и Славка прижимают носы к морозному стеклу, пытаются хоть что-нибудь рассмотреть, и вдруг, не сговариваясь, срываются и несутся обратно, дико вопя:

- Вста-е-ет!

И мы врассыпную сломя голову несемся по сугробам, оставляя за собой проторенные борозды. Ужас объемлет наши детские души от одной только мысли, что где-то там, во мраке мертвецкой, встает с полки синий покойник!

- Да, помню, — говорю я в трубку, — как же.

Городок наш небольшой, и было время — бабу Маню знал всякий. Много лет баба Маня работала санитаркой в городском морге, обмывала и одевала покойников. Современных холодильников тогда не было, трупы хранились на полках в мертвецкой — небольшой деревянной часовенке за хирургическим отделением. Я в эту мертвецкую заглядывал уже будучи взрослым. Ничего особенно: тесная комнатка с печуркой, деревянными стеллажами вдоль стен, крохотным оконцем, выходящим в зеленоватые сумерки зарослей крапивы. Зимой это оконце наглухо закрывает снегом. Посередине комнаты стоит длинный деревянный стол, обитый оцинкованным железом, весь в несмываемых бурых потеках. Над столом на длинном шнуре висит голая колба стапятидесятиваттной лампы. В углу — рукомойник и полотенце.

Баба Маня приносила ведро теплой воды из хирургического отделения и, закатав рукава засаленного халата, обмывала очередного покойника детской губкой. Медицинских перчаток не признавала. Сама стаскивала труп с полки и сама переворачивала, обмывая и одевая тяжелое задубевшее тело. Делая свое дело, общалась с покойником, как с живым, — то жалела, то выговаривала:

- Смотри-ка, какой молодой! Пошто ты такой ко мне пришел? Что тебе не жилось такому-то? Небось жену оставил молодую, красивую. Об ней-то подумал? Детишки, чай, есть? Детишек осиротил.

Владимир Юрьевич Перцев родился в 1963 году в городе Гаврилов-Ям Ярославской области. Окончил Ярославское художественное училище. Поэт, прозаик. Член Союза российских писателей. Лауреат нескольких международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах «Юность», «Континент», «Плавучий мост», «Нева», «День и ночь», «Балтика» и др.

Было бы неудивительно, если бы после таких увещаний покойник встал, вытер кулаком подступившие слезы раскаяния и пошел домой, к жене, к детишкам.

Некоторых, особо понравившихся покойников баба Маня прихорашивала. Приходила в хирургическое отделение просить у лежавших там девчонок губной помады:

— Дайте помадки, девчонки. Такой у меня красивый мальчонка лежит, просто — херувимчик. Я б ему губки подрисовала.

Девчонки отламывали от своих алых и розовых палочек кусочки и совали бабе Мане в ладонь.

— Да, — говорю я в трубку, — конечно, бабу Маню я помню, как же. Только я, честно говоря, думал, что она уж давно умерла. Неужели все жила до сих пор? Сколько же ей лет? Сто? Или больше?

— Да не так чтобы уж и сильно много, — соседка принимается подсчитывать. — Вот считай: я с пятидесятой, а она меня лет на восемь-десять старше. Думаю, лет семьдесят пять. Так что-нибудь...

— Я думал — намного больше...

— Жизнь такая. А потом, дурочки-то, они рано старятся.

— А она — дурочка?

— Из детдомовских, сирота, с отклонениями. Школу не кончила.

— Вот оно, значит, как... А я и не знал...

— Красивая, молодая-то была, не гляди, что дурочка, влюбила в себя Ромку Кошкина, Надежды Кошкиной сынка. Он в ней души не чаял, жениться хотел. А она-то его как любила, насмотреться не могла, все «Ромочка, Ромочка».

— И что же?

— Надежда — ни в какую! Говорит: «На порог не пушу. Ты, — говорит, — умный, а она — дурочка, разве тебе такую надо?! Она тебя только позорит». Ромка-то и правда хорошо учился, на инженера закончил. Так и развела их. Нашла ему другую, умную. А он женился, а жить не стал с умной-то, бросил да и сам спился, совсем с катушек слетел. И помер чуть ли не от белой горячки.

— А баба Маня?

— А баба Маня так замуж и не вышла, так всю жизнь одна и прожила. То нянькой работала, то посудомойкой. Потом вот в морг пристроилась. «Я, — говорит, — покойников не боюсь, чего их бояться? Они смиренные».

Школьником я жил с родителями на соседней улице и много раз видел бабу Маню возле часовни. Она уже и тогда казалось мне старухой: худая, сгорбленная, одетая во все «поданное», как у нас говорили. После праведных трудов выходила посидеть на скамеечке, почадить «беломориной», окуривая комаров, столбами встающих над ней. Тыкала в комариные полчища дымящимся окурком, приговаривая:

— Натек-кась, покурите, душевные!

Часто громко хрипловатым своим голосом заговаривала с воронами, жившими на старых больничных тополях, которые, завидя бабу Маню, спускались пониже в ожидании подкормки.

— Что пялишься? — говорила баба Маня ближайшей вороне. — Жрать хочешь? Так у меня нет ничего, сама на казенных харчах. На помойку лети к хирургическому, там Еланский аппендицитов навыврезал, нажрешься. А от меня чего? Шиш на лопате!

И, затаившись, билась в припадке хронического кашля. Дым при этом валил у нее изо рта и из носа. Даже пегие вращающиеся волосы, казалось, тоже дымились.

В мертвецкой баба Маня не курила и заглядывающему порой с сигаретой Еланскому, бывшему одно время заведующим хирургическим отделением, выговаривала:

— Ты вот надымишь, а он, может, некурящий, мертвец-то.

Бабу Маню знали все. На всех поминках она перебивала. Сидела всегда на почетном месте. Хватив пару рюмок и поплыв в простодушной улыбке, ласково говорила собравшимся родственникам покойника:

— Милае, а и все-то вы мои будете... Ни один мимо не пройдет.

Понравившихся покойников ездил провожать на кладбище. Бывало, и поплачет. Никто не осмеливался ей перечить. Как-то новый водитель труповозки попытался высадить ее из кабины:

— Куда тебя понесло, царство небесное? Я только родственников беру. Слезай давай!

— А ты на меня, паренек, больно-то не ори, — осадила его баба Маня. — А то, гляди, умрешь, я тебе яйца-то отрежу, без яиц поедешь на новое жительство.

— Тьфу, дура! — сплюнул водитель, но отступился.

Однажды, еще будучи школьником, под самый Новый год угодил я в хирургическое, как раз с аппендицитом. Операция несложная, прошла успешно, и я уже готовился к выписке. Привезли покойника. Больные, кто мог ходить, вышли посмотреть. Замерз пьяненький мужичок: немного до дома не дотянул, ткнулся в снег и застыл.

— А ведь я тебя знаю, — говорит баба Маня покойнику, всматриваясь в заострившийся нос и рыжеватую бородку. — Ты — Пасхин Николай с Клубной улицы. Одно время на говночистке работал. Ты ведь молодой, и как же это так оплошал?

Покойника осмотрели, дали заключение и отправили в морг. Там баба Маня его раздела и пошла ужинать в столовую хирургического отделения. Сидит вместе с нами, ужинает. И в этот самый миг раздается крик. Такого нечеловеческого вопля мне ни до, ни после слышать не приходилось. Ринулись мы к заиндевшим окнам. За окнами — глубокие сумерки, но в свете фонаря видим: бежит молоденькая медичка Настя, а за ней, вихляясь, как пьяный, плетется покойник. Без единой кровинки в лице, с закатившимися глазами залетает Настя в хирургическое отделение и валится на руки хирурга Васильева, вышедшего покурить перед операцией. А Васильев понять ничего не может:

— Что? Что такое?

Прибежала дежурная медсестра с нашатырем. Оторвали Настю от Васильева, усадили на кушетку, успокаивают, суют ватку под нос. А она опять как заверещит. Ну, тут и безногие все прискакали посмотреть, что случилось. И что же вы думаете? Стоит на пороге голый покойник, синий, вертит глазами. Все врассыпную. А Васильев побледнел, но не растерялся.

— Баба Ма-а-ня! — заревел во все горло. — Бабу Маню! Ее клиент...

— А ну-ка не балуй! — прикрикнула баба Маня на покойника, как на лошадь. — Ты пошто встал? Чего тебе не лежалось?

Покойник поймал бабу Маню в фокус разбегающимися глазами, узнал и, радостно расплываясь в улыбке, пропел:

— Ба-а-ба Ма-а-ня!

— Ну что — баба Маня? Пожрать не дадут. Давай-ка пойдём на место, — стала урезонивать она покойника, подходя к нему и беря за руку.

Но покойник никуда идти не собирался. Пришел Еланский, осмотрел умершего, нашел, что тот вполне жив, налил стакан разведенного спирта, распорядился выдать халат и тапочки. Но в палату больные его не пустили: никто не хотел лежать вместе с покойником. Поставили койку в коридоре.

А года через полтора попал в мертвецкую и сам заведующий хирургическим отделением. Поехал как-то по осени на мотоцикле с люлькой в лес за грибами. На повороте у Ставотина задел его бортом грузовик. Несильно задел, водитель грузовика даже не заметил. Однако голову в шлеме оторвал напрочь. Укатилась голова, а мотоцикл дальше поехал по осенней грязице. Бабе Мане пришлось поколдовать, присаживая го-

лову хирурга на место. Никак не хотела держаться пришитая голова, съезжала на сторону. Но тут баба Маня проявила изобретательность: вбила в шею кол, заостренный с двух сторон, и на него насадила голову. Так и похоронили, никто ничего не заметил.

- Значит, умерла баба Маня? — говорю я в трубку.
- Умерла, — вздыхает соседка. — Жизнь прожила трудную, никому не пожелаешь.
- Отправилась к своим клиентам. Там ведь, почитай, полкладбища — все ее клиенты.
- Так и есть. Земля ей пухом и Царствие Небесное!

НАВАЖДЕНИЕ

В апреле Серега Гусаров приводил в порядок дачный участок. Он нанял тракториста Кольку Сорокина корчевать пни и рыть яму под бассейн. В воскресенье с утра Колька успел сгонять в лес и приволоочь бабке Насте пару сухоподстоин на дрова. К Сереге он явился только в час дня, уже поддатый.

— Успеем, ты че?! — заверил он Серегу. — Щя махом!

Пни рвали, обвязав тросом. Старенький ДТ-75 вставал на дыбы, и корень медленно выходил, выворачивался вместе с огромным комом земли и плыл, как взятый на буксир остров.

Колька в клетчатой синей рубашке и матерчатой кепке, надетой козырьком назад, ловко орудовал рычагами и педалями. Трактор опускал ковш, выстреливал сизую струю перегара и пер, вгрызаясь в землю, тесня и ставя дыбом огромные пласты. Потом укатывал, уминал дно ямы, круто разворачиваясь на месте, выпечатывая на рыхлой почве отчетливые следы гусениц. Наконец, уже в сумерках, выбрался на поверхность и тормознул у крыльца.

— Готово, зема! — крикнул Колька, чуть приглушив мотор.

Насквозь провонявший солярой и табачищем, пошел за Серегой в дом, довольный собой, веселый. Уминая тушеного кролика с картошкой, пропускал стаканчик за стаканчиком, подмигивая пятилетней Дашке, во все глаза смотревшей на веселого дядьку. Наевшись и изрядно осоловев, полез из-за стола.

— Поеду, зема, а то моя налетит с проверкой.

Пересчитывая деньги негнущимися пальцами, пошел к выходу.

— Может, останешься? — предложил Серега, поддерживая его, оступившегося на ступеньках крыльца. — Проспишься и поедешь.

— Ты че?! Я — норм! Да тут и ехать-то! — он растопырил пальцы в сторону колхозного поля. Колькин дом можно было рассмотреть невооруженным глазом. Он стоял километрах в трех на той стороне поля. — Поставил мордой на цель, и в путь. Сам допрет. Ничего и делать не надо.

Серегина теща вынесла старую фуфайку, сунула Кольке:

— На-ка накинь, а то вон подмораживает. Что-то ты жаркий больно?!

Но Колька мотнул плечом:

— Не надо, тетя Лен. Все оккей.

— Ну, смотри, схватишь воспаление!

— Ни хрена! Извиняюсь, пардон, — Колька поискал глазами Дашку, но ту мать увела ужинать.

— Ну, давайте, пока!

Он забрался в кабину, пристроил недопитую бутылку водки, которую Серега сунул ему с собой, взялся за рычаги. Трактор взревел, крутанулся на месте, устанавливая курс, и пошел швырять зубастыми гусеницами пласты земли.

Во втором часу ночи в кухонное окно осторожно постучали. Серега спинал одеяло, пошарил ногой тапочки и, не найдя, босый, сунулся к окну.

— Кто?

Услышав ответ, на ощупь пошел к выходу, на ходу натаскивая и застегивая брюки. Включил в крыльце свет, откинул крючок.

— Мой-то у вас, что ли?

На пороге стояла Колькина жена, рядом с ней — сонный мальчик лет десяти — Вовка. Серега почесал затылок, потер глаза.

— Уехал, Маш, вечером еще. На дом нацелился и поехал.

— Пьяный?

— Как сказать? На своих ногах. Неужели не доехал?

— Не бывал.

— Уснул, что ли? И мимо дома просадил.

— Не в пруд ли заехал с пьяных-то глаз! — зашептала за спиной у Сереги теща, высунувшаяся следом.

— Так уж прямо в пруд?! Скажете тоже, — осадил ее Серега, — надо по следам посмотреть, куда следы ведут.

Он глянул в черноту пространства снаружи и опять почесал затылок.

— Как вы шли-то в такую темень?

— У нас фонарик есть. И то скоко раз с тропы сбивались. Грязища непролазная кругом.

— Давайте уж до утра, утром поищем, а шас чего...

Под утро припустил снежок и присыпал все следы. Но Колька нашелся. К Сереге он приехал уже к вечеру, выпавшийся, виноватый. Сидя за столом на кухне, кривовато усмехался, рассказывал:

— Поехал я от вас все чин чином. Песни пел. А потом уснул. Поле ровное, трактор сам идет, рычаги дергать не надо, я и сомлел. Вдруг просыпаюсь, смотрю, а дом уже вот он, свет в окнах, занавесочки. И тут в башку мне и стрельнуло: меня же Машка выгнала! И я, как был в рубашке, психанул и ушел. Совсем ушел. Дверьми хлопнул. И так мне грустно стало! Веришь, нет?! Хоть ревмя реви. Взялся я за рычаги, отвернул в сторону и погнал, не зная куда, наоплось. И опять уснул, конечно. Проснулся — темно, тихо. Не пойму — где я. Потыркался туда-сюда — вроде кабина. Спичками почиркал — точно. И холод собичий! Чувствую — замерзаю. Нашарил бутылку, отхлебнул — вроде полегчало. Ну, и опять спать. Приткнулся на сиденьке, сам себя за плечи обхватил. Потом еще несколько раз просыпался, отхлебну и дальше — дрыхнуть. Утром уже чувствую — тянут, тормозат. Машка с Вовкой. Нашли меня, дурака. Вылез я, отлил за гусеницей, осмотрелся. Мать честная! Трактор стоит в каком-то гнилом осиннике, по трубу зарывшись в обломки сушняка. На самом краю болота! Вот так штука! Машка меня ладонями лупит, поносит на чем свет стоит, а у самой слезы так и бегут ручьем. Ну, схватил я их, запихал в кабину, завел трактор и домой. Такая, понимаешь, история. Просто наваждение какое-то.

ПОЖАРНАЯ КОМАНДА

1

Накатила страшная жара, и за месяц не выпало ни одного дождя. Вдоль пустынных пыльных улиц городка плывет тополиный пух. Тут и там в беспорядке стоят, приткнувшись к тротуарам, автомобили, ослепительно сверкая на яростном июльском солнце, как бы брошенные при паническом бегстве. Фабричный пруд пересох, по обнажившемуся дну бегают трясогузки, оставляя за собой тонкие иероглифы следов. На стоянке такси у автовокзала никого нет. В дежурной машине томится водитель. Все дверцы

распахнуты, а он в одних трусах и шлепках сидит, развалясь, откинув голову и закинув левую руку на крышу машины. Нестерпимо сияют стекла, и пахнет разогретой резиной.

В город приехал зооцирк, занял всю привокзальную площадь составленными в кольцо разрисованными фургонами. С утра гремит музыка, и работают аттракционы, но посетителей нет. Только безбилетные детдомовские пацаны снуют, ищут лазейку, да вспархивают воробы.

На обочине дороги у музыкальной школы привязан верблюд. Но трава вся погорела, и верблюд стоит понуро, свесил горбы, жмурится, отвесив губу. Рыжеватая шерсть на нем свалаялась клоками. Мальчишки его побаиваются, хотя верблюд мирный, охотно принимает хлеб, печенье, огрызки яблок, тянется плюшевой горбоносой мордой, поводит ушами, смешно забирает корм губой и жует зажмурясь.

Здесь же, у дороги, стоит уазик с синей надписью «Ветмедпомощь». Директор зооцирка, высокий плотный мужчина с животиком, с обширной залысиной, в белой рубашке с перламутровыми запонками, в отутюженных брюках и узких ботинках, сильно припудренных пылью, провожает ветеринара, приезжавшего по вызову, распакивает перед ним дверку уазика.

— Может, конечно, и отравление, симптомы сходные. И живот твердый к тому же. Но мне думается, что перегрелся он у вас, на солнце перестоял, — говорит ветеринар, пересчитывая гонорар, переворачивая и аккуратно складывая купюры. Он был рад подзаработать, но его несколько сердило, что кассир выдал одной мелочью, все сплошь одни десятирублевые бумажки. Его маленькие глазки, глубоко спрятанные под густыми насупленными бровями, глядят холодно, отстраненно. Это ветеринар еще старой закваски, хорошо умеющий кастрировать поросят, но решительно не понимающий, зачем лечить, тем более делать сложную операцию, например, кошке.

— Усыпить, да и все, — говорит он обычно в таком случае.

В одном из фургонов, в вольере лежит, подогнув под себя копыта, серенький в яблоках пони. Он закрыл глаза, тяжело дышит, носит боками. Над ним склонилась девочка тринадцати лет, Настя, плачет, вздрагивает плечами, размазывает по лицу слезы и тушь. Проводив ветеринара, возвращается директор зооцирка, Настин отец, берет ее за плечи, уговаривает:

— Насть, не плачь, не надо. Доктор сказал, что это не опасно. Поправится твой Ромка. Слышь? Я Семеныча в аптеку послал.

И обычно раздражительная, недотрога Настя покорно позволяет гладить себя по плечам, по волосам. В другое бы время дернулась, вывернулась, буркнула бы что-то вроде: «Что я тебе — лошадь, чтоб меня гладить?!»

Настя выросла без матери, по чужим людям, по разным городам. Сменила десятки школ. Нервна, грубовата, самостоятельна. Часто кричавшая на своего своенравного пони, хлеставшая его по ушам, по губам, теперь вот плачет, стоя над ним. Гладит шероховатую морду, целует в плюшевый лоб с белой звездой, в сухой нос.

— Рома, Ромочка, миленький, вставай уж, а?!

Пони молодой, диковатый, непослушный, готовый в любую минуту понести, скаливший зубы, тянувшийся куснуть седока, вымотавший ей все нервы, теперь тих, беспомощен, податлив.

— Ну, сделай же что-нибудь! Видишь, как ему плохо?!

— Насть, не надо, не надрывайся. Сейчас Семеныч приедет, все сделаем. Поправится, встанет.

Директор вытирает носовым платком вспотевшее лицо, лысину, а заодно и глаза, ставшие вдруг влажными. Напротив, в зарешеченном вольере, лежат лисы. Им тоже жарко, они жмурят умные глазки, приоткрыв пасти и высунув языки.

2

За городом в знойном мареве раскинулись поля ЗАО «Нива», засеянные овсом, низкорослым ячменем, картофелем. На пыльной полевой дороге стоит черный джип. Дверцы распахнуты. Водитель спит на руле. Председатель ЗАО Ишапов, «Хозяин», как его за глаза называют рабочие, осматривает свои владения, сокрушенно качает головой, хмурится. Круглое лицо его плывет и маслится, как блин, узкие глазки превращаются в пустившиеся в плывь запятые. Коротко стриженная голова седа и кругла, как шар. Ворот белой рубашки расстегнут.

— Так что же, — обращается он к своему заместителю, худому неразговорчивому Иглину, — нэ памог крэстный ход?

— Не помог, Рамзан Хамидович.

Иглин склоняет голову, трогает черную полоску усов у себя под носом, за которую получил в народе строгое прозвище «Гитлер».

— Нэ памог... — с разочарованием произносит Хозяин и опять обращается к Иглину: — Как быть? Что скажешь?

Иглин мнетя, морщится. Что тут скажешь, если нет дождя?! Не дал Бог. За грехи или так, из других каких соображений.

— Не подействовало, Рамзан Хамидович, — сообщает он, — может, дали мало, может, что.

Ему вспоминается крестный ход. Десятка три старух в пестрых платочках, дети. И на этом фоне широкое, потное и пыльное лицо отца Андрея, его усталый и строгий прищур, негромкое пение. Впереди несут хоругви, киот и Казанскую. Чуть позади, не поспевая, семенит старушечий хор, гнусаво вразнобой подпевающий. Идущий впереди с киотом староста Петрович приостанавливается, кричит батюшке:

— Через Кузьминское или огибать?

Отец Андрей, не прерывая пения, сердито машет широким рукавом в сторону села.

— Бабы, на Кузьминское! — кричит Петрович.

И впереди идущие бабы, было завернувшие на полевую дорогу, подобрав подола, поспешно выравниваются на шоссе.

Ишапов срывает и мнет пыльный стебель с наметившимся плоским колоском. Поморщившись, откидывает в сторону, достает скомканный носовой платок, брезгливо вытирает пальцы, потную ладонь.

— Давай падумай, — председатель растопыривает пальцы и делает движение кистью, как бы поднимая и поворачивая к свету полный бокал. — Галава дан, думай.

Иглин утыкается в землю, пожимает плечами. При такой жаре еще неделя — и посохнут поля, сгорит и ячмень, и овес.

— Что тут думать, Рамзан Хамидович, команду надо вызывать. Одно осталось.

— Што? Какую команду?

— Пожарную команду, Рамзан Хамидович.

Иглин заглядывает Хозяину в глаза. В темных узких щелках некоторое время клубится туман непонимания. Затем они проясняются.

— Карашо! — говорит председатель нараспев, похлопывая Иглина по спине. — Вызывай, правильно, маладэс!

3

Как-то в конце мая директор школы послал четверых десятиклассников помогать бригаде маляров выносить из подсобки за сценой в актовом зале всякий хлам: лох-

мотьа каких-то декораций, колченогую мебель, разбитую аппаратуру. Все это сваливали через открытый борт на грузовик для вывоза на свалку. Среди прочего попался барабан. Непродранный, крепенький, и даже палочки нашлись. Димка попробовал ударить. Неожиданно низко и бархатно барабан сказал: «Тупс». Димка пригладит торчащие вихры на затылке и отбарабанил пионерский марш. Маляры приостановились, а подошедший завхоз сказал сердито:

— Это кто тут цирк устраивает?

Барабан на свалку не попал. В тот же день он перекочевал из пыльной подсобки к Димке, в его комнатушку. С тех пор день для Димки и для прочих обитателей дома начинался с барабанного боя. Пока мать жарила на завтрак яичницу с колбасой, Димка успевал отбить несколько ритмов. «Тупс, тупс, тупа-тупс...» И что-то звякало в посуднике. И рыжий кот Феликс, лениво и недовольно потянувшись, соскакивал с кресла и спешил к выходу. Скворчала колбаса в сковородке, гнусаво запевал чайник. А Димка лупил и лупил свой барабан. На лето он перебрался на чердак. На чердаке светло и пыльно. «Тупс, тупс, тупс...» И с писком выпархивала синичка из-под карниза. «Тупа-тупс, тупс, тупс...» И мелкий камешек бежал по шиферу над головой. Гудели сосновые стропила, вибрировала пыль, вставая косым крылом от слухового оконца.

— Круто! — восхищался Сашка Плотников, залезая иногда в Димкину «студию». — Тебе, Диман, надо на сцену.

— А что, — Димка подтягивал воображаемый галстук, — можно и на сцену. Подкоплю деньжат, куплю второй барабан, тарелки, репертуарчик поднастучу...

Но получилось иначе. Как-то Димке на глаза попалась невесть откуда взявшаяся брошюрка Е. Рутмана «Магия ритма», в которой популярно освещалась довольно специфическая тема: влияние ритмов на психику человека и природные процессы. В этой брошюрке, в частности, доказывалось, что некоторые ритмы способны входить в резонанс с психикой человека, нанося ей непоправимый вред или, наоборот, излечивая. В доказательство автор приводил многочисленные свидетельства «чудесных» исцелений, производимых шаманами Тибета, мексиканскими брухо и прочими светилами альтернативной медицины, и в то же время ссылался на статьи известных европейских ученых, на современные лабораторные исследования. Больше всего Димку поразило то, что с помощью правильно подобранных ритмов можно воздействовать не только на тело и психику человека, но и на природные процессы: вызывать дождь или ветер, даже землетрясение. Тут же приводились и сами образцы ритмов. Эти ритмы Димка часами выстукивал у себя на чердаке, но ничего не происходило. Мать ворчала:

— Делом бы занялся, одиннадцатый класс на носу, экзамены.

— Каникулы же, — оправдывался Димка.

— Крыша вон в сарае протекает, а тебе и дела нет. Лупишь и лупишь свой барабан. С потолка сыплется, соседи жалуются.

Димка отмалчивался. Однажды возвращаясь из леса с корзинкой грибов, он набрел на заброшенный лесной карьер. Разработки в карьере давно прекратились. Склоны осыпались, покрылись травой, мелким кустарником. Сточные воды образовали множество глубоких борозд, осыпей. Над рыжим жерлом карьера поднялся березняк, светлый, гулкий, наполненный ветром и щебетом птиц. Сюда, в это гулкое безлюдье, стал Димка приходить на рассвете с барабаном. Тут постучит, там постучит и слушает, где резонанс лучше, тон чище. Нашел место. Посидит неподвижно на камне, прислушиваясь, сливаясь с тишиной, утренним туманом, и за дело. Лупит барабан и слушает, как резонирует звук в пространстве, настраивается. «Пумс, пумс, пупу-пумс...» Гулом наполняется карьер, многократным эхом отзывается лес. И движение тумана как будто ускоряется, с каждой серией ударов туман делается плотнее, податливее, закручивается в гигантскую спираль, ползет вверх по склонам карьера и широкими рукавами устремляется в лес, затопляя его.

Однажды неожиданно с безоблачного неба вдруг стал сеяться мелкий слюдяной дождь. Димка перестал стучать, и дождь вскоре прекратился. В другой раз дождь разошелся не на шутку, пришлось спешно сворачиваться, укрываться в лесу. Димка чувствовал, что, запуская тот или иной ритм, запускает какой-то очень тонкий и очень сложный механизм, в котором увязывается окружающее пространство со всеми его атмосферными процессами и он сам со всей своей неуловимой паутиной психических движений. Ритм как-то объединял, сливал эти явления воедино.

4

В августе Димка познакомился с Лешкой. Случилось это на слете «нечистых». Так окрестила местная пресса районный конкурс целителей, традиционно проводимый специалистами отдела культуры за городом, в осиновой роще, где устанавливались палатки участников и столики членов жюри. Димка забрел на это мероприятие из чистого любопытства. На поляне собрались кружком обсудить и продемонстрировать свои дела и проделки местные знахари, экстрасенсы, колдуны и ведьмы. Дело было в выходной, и любопытствующей публики собралось предостаточно. Димкино внимание привлек паренек одного с ним возраста, но из другой школы, рыжий, худой, в очочках. Он исцелял саксофоном. Просто стоял и играл, закрыв глаза, самозабвенно, отрешенно. Рекламный листок на раскладном столике сообщал, что саксофон излечивает головную и зубную боль, экзему, помогает от хандры и суицидных настроений. Димка записался на прием и дождался своей очереди.

— Что вас беспокоит? — спросил саксофонист, когда Димка опустился перед ним на раскладной стульчик. Он даже не взглянул на пациента. Он в это время протирал чистейшим носовым платком свои очки и шурился.

— Видите ли... — начал было Димка, но тут же сообразил, что «доктор» решительно ничего без очков не видит.

— В общем, — поправился он, лихорадочно придумывая симптомы своего заболевания, — голова у меня, как бы это вам сказать...

И тут Димка почувствовал, что с головой у него и впрямь не все в порядке. Заломило виски, подступила тошнота. «Доктор» надел очки, проморгался и внезапно хлопнул Димку по макушке. Димка попятился.

— Ты чего?! — возмутился он.

— Вот, — «доктор» разжал ладонь.

Мотылек пошевелил усиками, его крохотные черные глазки блестели бусинками. Некоторое время оба внимательно рассматривали лимонницу.

— Полегчало? — осведомился лекарь.

Димка почесал макушку:

— Да вроде как.

Оба рассмеялись. Вечером у костра Лешка рассказывал о себе:

— В музыкалке я учился на фортепьяно, а саксофон — это так, для себя. Отец у меня был музыкант, консерваторию окончил. А потом играл всю жизнь в похоронной команде. Неплохо зарабатывал и спился. Мама умерла, когда мне было три года, и я ее совсем не помню, так, что-то смутное. Живу у тетки. Она не злая, но очень хочет сделать из меня прокурора. Есть у нее друг нотариус, этакий сухой параграф, тихо так говорит, вкрадчиво. Не поучает, а как бы сам про себя рассуждает. Тетка на меня жалуется, вот он и старается. Тусклый. Я слушаю-слушаю, да и завою.

— Как это?

— Ну, как, волком: у-у-у.

— Забавно, а они?

— Тетя обвязывает голову полотенцем и ложится на диван, а этот ничего, успокаивает ее, говорит, что у меня переходный возраст. Потом я им играю на саксе, и все налаживается.

5

Вову они подцепили на автовокзале. Он был сын состоятельных родителей, ни в чем не нуждался, просто куролесил. Это был толстый, весь в веснушках мальчик четырнадцати лет. Он стоял на привокзальной площади и что-то попискивал на синтезаторе, который висел у него на плече, как лоток у лоточника. Тыкал как бы наугад толстыми пальцами в клавиатуру и улыбался. До того жалостливо улыбался, и музыка была до того жалостливая, что многие приостанавливались, опускали деньги в розового поросенка, на боку которого старательно было выведено синим фломастером: «Братiku на операцию».

— Много насобирал? — поинтересовался Лешка.

Вова прекратил игру, но ничего не ответил.

— Нет у тебя никакого братика, — сказал Димка, потоптавшись возле «артиста».

— Есть, — упрямо сообщил Вова и заиграл опять, еще плаксивее.

— Перестань! Зубы от твоей музыки разрушаются, — морщась, сказал Лешка.

— Шел бы лучше пообедал, — добавил Димка, — смотри, какой худой!

Вова прекратил играть.

— Может, это я от болезни, — явно соврал он, — может, у меня диабет.

Лешка засмеялся.

— Обжорство у тебя, — наставительно сообщил он, — перекорм!

— А чего пристали?! — вдруг с вызовом заявил «артист». — Дяденька, дяденька, а чего эти ко мне пристали?! — заорал он на всю Ивановскую.

Прохожие с недоумением стали оборачиваться.

— Ладно, ладно, не ори, — успокоил оруна Димка, — не поднимай шум, а то гляди...

— Чего гляди?! — опять с вызовом осведомился Вова. Его большие, несколько навывкате глаза, нагло закатывались, как юбилейные цифры на каравае.

— Его еще не били, — подсказал Димка Лешке.

— Лучше порчу наведем, — предложил Лешка, — заикой сделаем или паралитиком.

И тут Вова не выдержал. Он отвесил толстую губу, неумело сплюнул и с презрением произнес:

— Да мой батя вас самих уроет, уроды! Самих заиками сделает!

Лешка с Димкой скорчились от хохота.

— Я же говорил — симулянт! — сквозь смех выговорил Лешка.

— Буржуй проклятый! — подтвердил Димка.

Вова смягчился.

— Сами вы буржуи. Чего пристали? Никого не трогаю, стою, играю. Мне хорошо, и людям польза.

— Какая от тебя польза? — презрительно спросил Димка и сам же ответил: — Ведро жира натопить.

Вова подумал.

— Я, может, душу людям облегчаю.

— Карманы, ты хотел сказать?! —

— И душу! — настаивал Вова.

— Артист, — сообщил Лешка, — лицедей упитанный!

— Не веришь? А вот послушай, только не перебивай.

И Вова заиграл, затыкал толстыми пальцами. Заняла его жалейка на все лады. Минут пять Димка с Лешкой терпели. А потом как-то вдруг переменили свой взгляд. Видят, и впрямь стоит перед ними парнишка жалкий, неуклюжий. И вот братик у него... Грустно как-то стало, совестливо. Руки сами в карманы потянулись, за мелочью.

— Убедились? — спросил парнишка, прекратив игру.

— Что-то есть, — признался Лешка, потряхнув рыжеватой челкой.

Димка промолчал.

6

Так собралась команда. Первый сеанс ритмотерапии дали в доме отдыха «Лесные поляны». Договорились с администрацией, расклеили афиши. Когда открыли занавес, Димка не поверил своим глазам: в зале реденько, там и сям, сидело десятка два пенсионеров.

— Уважаемые отдыхающие! — обратился к ним администратор. — Просим занимать места в первых рядах. Вам будет лучше видно и слышно.

— Ничего, нам и тут хорошо, — откликнулись бойкие старушки, — начинайте давайте.

— Ну что, ребята, готовы? — повернулся к музыкантам администратор.

Он был толстоват и лысоват, но быстр в движениях. Его безукоризненно белую рубашку дополняла бархатно-черная «бабочка» под самым подбородком. Димка понуро кивнул:

— Народу-то нет никого.

— Как это нет никого?! — возмутился администратор. — Да у нас больше-то и не бывает. Разве только школьников с уроков снять или пэтэушников.

— Старичье одно, — буркнул Димка.

— А по мне — так в самый раз, — объявил Вова, — бабушки — это мой контингент. Лешка хмыкнул.

— Все, ребята, все! — засуетился администратор. — Начинаем! Время пошло!

— Импровизация на тему песенки крокодила Гены, — объявил Димка. — Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...

Вова пискнул клавишей. В зале заулыбались.

— Просим вас ни о чем не думать, расслабиться, — обратился Лешка к собравшимся, аккуратнейшим образом протирая носовым платком очки, — наша игра обладает целебными свойствами. Мы постараемся снять с вас нервное напряжение, излечить головную боль, восстановить нормальное кровообращение.

Он водрузил очки на нос и взмахнул руками, как заправский дирижер.

— Поехали! — крикнул Димка.

Вова затыкал пальцами в клавиатуру, запищал мотивчик известной песенки. Лешка налег на саксофон, извлекая из него первый хрипловатый звук. Димка тихонько подстукивал на ударных. Играли вживую, без усилителей. Исполнили несколько джазовых композиций. Потом Лешка играл соло, прикрыв глаза, напряженно двигая затылком. Совсем ветхий старичок в первом ряду откровенно заснул, откинувшись на спинку кресла, завалился навзничь, открыв беззубый рот.

Зевали и другие, деликатно прикрываясь платочками. Во втором отделении исполнили мелодии по заявкам слушателей, и дело пошло веселее. Сыграли «Подмосковные вечера», «Вот кто-то с горочки спустился». Зал подпевал.

Уже в сумерках, шлепая по лужам под холодным весенним дождем, жадно доедающим остатки снега, Димка воодушевленно говорил:

- Первый блин! А, Вован? И не так чтобы уж совсем комом?! А?
— Ага, — поддакивал Вова, едва поспевая за своим длинноногим товарищем.
Лешка, как всегда, отмалчивался, но и он не выглядел удрученным.

7

Слух о музыкантах-экстрасенсах быстро прокатился по району. Их стали приглашать. Но как-то все неважно: то на свадьбу местного «авторитета», то на встречу с кандидатом в депутаты. На Девятое мая попросили поиграть в городском парке. С площади доносились грохот и вой дискотеки, а здесь, на отшибе, в липовых аллеях собрались немногочисленные ветераны в орденах, с палочками, молодые мамы с колясками, дети с шарами, точнее, с китайскими драконами, синими бетманами, летающими молотками.

Вначале наигрывали мелодии военных лет: «Землянку», «Катюшу». Постепенно вокруг музыкантов собралась приличная толпа. Набежали подростки, набрали компании с дискотеки. Стало весело. И вдруг с совершенно ясного неба пошел дождь. Вначале неохотно, скупно, но все расходясь. На сухом асфальте дорожек появились темные кляксы. Люди недоуменно оглядывались. Зонтиков ни у кого не было. А дождь уже шумел вовсю, бил по жестяным и шиферным крышам, по лужам, мгновенно образовавшимся на асфальте. Народ стал расходиться.

— Прекратите! Немедленно прекратите!

Из задних рядов продиралась методист отдела культуры, ответственная за мероприятие. Она гневно размахивала программкой праздника и, бесцеремонно расталкивая собравшихся, лезла к музыкантам.

Музыканты остановили игру, содрали с себя пиджаки, укрыли инструменты.

— Прекратите немедленно! — прокричала методист Димке в лицо, мокрое, растерянное. По Димкиным слипшимся волосам бежали струйки воды.

— Вы за это ответите! — гневно кричала женщина, и полное ее лицо багровело.

Музыканты переглянулись.

— Это не мы, — виновато сказал Димка посиневшими губами, — честное слово.

Но методист замахала на него программкой:

— Убирайтесь! Чтобы духу вашего не было! Все, концерт окончен!

— Шабаш! — объявил Вова народу.

Музыканты подхватили инструменты и рысцой пустились к ближайшему гастроному. Там, под крышей, переждали внезапный приступ незапланированного дождя.

Это, казалось бы, пустячное событие имело для них далеко идущие последствия. На следующий день районная газета опубликовала репортаж какого-то Харитонова под заголовком «Испорченный праздник». Рассказывая о празднике, этот Харитонов сообщал, что запланированное, отрепетированное и во всех отношениях успешное мероприятие было внезапно сорвано группой распоясавшихся хулиганов, именующих себя музыкантами-экстрасенсами, которые вызвали дождь, внезапно обрушившийся с ясного неба на головы отдыхающим горожанам. Еще через два дня в той же газете появилась обстоятельная статья под заголовком «Пожарная команда». Статью написал врач-терапевт районной поликлиники Фролов. Он сообщил читателям газеты, что в городе появилась и орудует шайка музыкантов-лекарей, которые дают платные сеансы так называемой ритмотерапии. Спекулируя на чужой беде, псевдолекари обирают доверчивых граждан, а возможно, и наносят вред здоровью. Уважаемый доктор призвал к бдительности жителей города и районную прокуратуру.

— У меня такое ощущение, что мы кому-то дорогу перешли, — сообщил Димка ребятам.

— Не поделились с кем-то, — деловито поддержал Вова.

— С кем бы, знать? — буркнул Лешка.

Название «Пожарная команда» приклеилось, отношения с властями не складывались. На воскресной проповеди настоятель Никольского храма отец Андрей обозвал мальчишек сатанистами и запретил пускать на порог церкви. Однажды за ними приехали на «шестисотом» молчаливые бритоголовые парни в отличных тройках, отвезли в большой загородный особняк. В паркетном зале с тяжелыми шторами на окнах к ним вышел высокий сухой человек в халате, с крупным бриллиантом на указательном пальце. В висках человека просвечивала свинцовая седина, лицо было желтое, под глазами темные круги. Зрачки расширены, темны, тяжелый взгляд обращен не на собеседника, а куда-то за, так что все время хочется оглянуться. Врачи обнаружили у него злокачественную опухоль, терапия не помогла, надежды на помощь врачей не оставалось.

Лешка старался изо всех сил. Димка и Вова ему подыгрывали, как могли. Сеанс длился часа полтора. Молчаливая охрана задремала. Больной, полулежавший в кресле, вспотел, ему полегчало. Их накормили и отпустили. Пересчитывая зеленые бумажки, Димка подмигивал напарникам, Вова шутил. Больной тихо умер на третий день. После этого случая удача окончательно отвернулась от музыкантов. Город их не принял. Ездили выступать в соседний район, но без особого успеха. Не раз их били, обирали, задерживали до выяснения. И вдруг — приглашение! От самого Ишапова. Передавая наказ Хозяина, Гитлер сказал:

— Играйте что хотите и сколько хотите, но чтобы дождь был! Рамзан Хамидович не поскупится.

8

Солнце едва показалось из-за крыш, когда микроавтобус, широко развернувшись на пустынной площади мимо Ленина в елочках, мимо флаштоков с обвисшими флагами, подкатил к зданию бывшего кинотеатра, а ныне молодежного центра. Внутри здания тишина, полумрак, тяжелые портьеры на окнах, матовые плафоны, зеркала во всю стену в витых бронзовых рамах. На широкое крыльцо с колоннами стали выносить и расставлять аппаратуру, подсоединять провода.

С окрестных крыш слетелись голуби, заходили вокруг. Вова бросил им кусок пирога. Голуби с шумом вспорхнули и отлетели, но тут же стали сбегаться к пирогу, семена красными лапками.

Зарулила на площадь поливальная машина — ЗИЛ с оранжевой бочкой. Прокатилась по кругу, прибивая пыль, распугивая птиц.

— Раз, раз, раз, — сказал Димка в микрофон. Потом попробовал барабан. Лупануло где-то под крышами окрестных зданий. Лешка поморщился, буркнул недовольно:

— Вживую надо.

— Одно другому не мешает, — возразил Димка и убавил громкость.

Проверив аппаратуру, отпустили водителя, а сами пошли к палатке «Ярпиво», заметив, что хозяин уже пришел и вытаскивает синие пластиковые столики и стулья, расставляет их под тентом. Взяли по бутылочке, сели за столик.

— Морды нам начистят, вот и все, — лениво рассудил Вова.

— Могут, — подтвердил Димка.

Лешка промолчал. Да и о чем говорить?! Иглин обещал охрану, но, конечно, если дойдет до мордобоя, никакая охрана не поможет, отметелят по полной.

Стал собираться народ: подростки кучками, компании молодых людей. Подошли двое полицейских в форменных рубашках, остановились под липами, наблюдают, пе-

реговариваются. Повалил рабочий класс, компаниями, семьями. За столик к музыкантам подсел голый таксист, только что сменившийся.

- Здорово, пацаны!
- Здрасть, — буркнул в ответ Димка.
- Как житуха?
- Ниче.
- Решили подзаработать? Много бабла отвалил Фомин?
- Мэр-то, что ли? — Димка скривил кислую мину. — Ни хрена!

Мужик недоверчиво прищурился.

- Так что же вы — даром?
- Нас Ишапов пригласил, — встрял Вова.
- Хозяин?! — вздернулся таксист. — Гонишь?! Ему-то зачем? Этот деньги на ветер кидать не станет!

Димка неохотно пояснил зачем. Таксист некоторое время неподвижно посидел с каменным лицом, соображая. Потом забрал свою бутылку пива и демонстративно вразвалочку удалился. Он подсел за крайний столик к знакомым таксистам, двум корейцам, которые при его приближении заулыбались одними зубами, освобождая от бейсболок и очков стульчик.

- Урод! — тихо сообщил Димка.
- Дурак, — подтвердил Лешка.
- Баран, — резюмирует Вова.

Без пяти десять подъехал Иглин, разыскал ребят, подсел за столик, сухо поздоровался. — Пора начинать.

Димка кивнул. Лешка протер очки. Вова в это время доедал мороженое, сильно подтаявшее, и был сосредоточен. Пока он отсасывал вафельный стаканчик с одной стороны, с другой набухало и грозило капнуть на белые брюки. Иглин некоторое время наблюдал за Вовиной эквилибристикой, потом хлопнул Димку по плечу и встал:

— Пора.

Он стал пробираться сквозь толпу в сторону кинотеатра. Его узнавали, здоровались, уступали дорогу. Он шел не оборачиваясь, длинный, сухой, сутуловатый. Димка поспешил следом, за ним Лешка. Так и шли, как две баржи за ледоколом. Вова отстал, и ему самому пришлось прокладывать себе путь.

9

В десять десять, проверив аппаратуру, поприветствовав публику, начали концерт. Публика не слишком доброжелательна, слышатся выкрики, подначки, насмешки. Сыграли для затравки несколько джазовых композиций. Шум, свистки, выкрики. Вова прокашлялся в микрофон и завел глаза.

— А сейчас, — завопил он, дурачась по своему обыкновению, — по многочисленным заявкам слушателей исполняется мелодия дождя!

Толпа восторженно завывала. Димка лупанул в барабан. Толпа пришла в неистовство. Через двадцать минут над городом нависла хмарь. Ни туч, ни облаков, просто все небо затянула серая дымка. Задул ветер, затрепетали флаги на флагштоках, на дорогах поднялись вихри пыли. С музыкантов градом катится пот, заливает глаза. Пока они отдыхают, массовик из отдела культуры рассказывает анекдоты. Публика гогочет.

— А теперь и сам дождь! — вопит Вова в микрофон. И Димка снова лупит в барабан.

Ветер усиливается, шумит, кипит листва на липах. С грохотом захлопывается окно на втором этаже бывшего кинотеатра. Темнеет, солнце погружается в серую пелену.

Первые тяжелые капли до того невероятны, что их не замечают, от них отмахиваются. И вдруг на город обрушивается ливень, внезапный, стонущий, грохочущий, сбивающий ветви деревьев. И никто не уходит. Толпа восторженно ревет. Некоторые сдирают с себя мокрые рубашки, футболки, подставляя плечи и спины дождю. Решетчатые водостоки тут же забило, вода запрудила площадь. Дети носятся босиком, пляшут по лужам. Бурлящим потоком несет пустые пакеты, пластиковые стаканчики.

Иглин сидит в своей машине, включив дворники, разговаривает по телефону:

— Да, Рамзан Хамидович, льет. Да, как из ведра! Нет, народ не расходится. Пляшут, Рамзан Хамидович, веселятся. Музыканты устали, но держатся. Нет, не прекратится, обещают на всю ночь. Есть организовать ужин, будет исполнено, Рамзан Хамидович.

Дождь льет не переставая, стоит сплошной стеной. Машины с зажженными фарами осторожно пробираются по улицам. Далеко-далеко на горизонте сияют и лучатся купола монастыря. Там дождя нет, там светит солнце, и все живое томится и изнывает от жары.

10

На подъезде к городу рейсовый автобус притормаживает. Пассажиры повскакивали со своих мест, тянут шеи, напряженно всматриваясь вдаль, за лобовое стекло. Город расположен внизу, как бы в огромной чаше, отлично виден. И там, в городе и окрестных полях, происходит что-то невиданное. Из безоблачного неба до земли висит широкая дымная полоса, и сияют две яркие радуги.

— Господи Иисусе! — суеверно крестится старушка в белом платочке.

— Это что же там такое? — говорит потрясенно маленький полный водитель. — Пожар, что ли?

Пассажиры молчат, всматриваются. Наконец тишину нарушает учитель физики, высокий, хорошо сложенный мужчина в белой рубашке и галстуке.

— Какое там, — говорит он, поправляя очки на носу. — Дождь — вот это что! Настоящий ливень!

Все недоверчиво на него посматривают, но вскоре сами видят, что дождь. Первые капли уже пересекли лобовое стекло, застучали по крыше автобуса. И вот автобус въезжает в улицы, медленно проплывает по залитому шоссе мимо площади, запруженной народом, точнее, десятками, сотнями зонтиков, пакетов. На многих нет сухой нитки, но никто не уходит. Над площадью лупит и лупит барабан. Автобус с зажженными фарами заруливает на привокзальную площадь, подбирается к платформе. Пассажиры один за другим выходят на перрон и спешат укрыться под навесом, занимают свободные скамейки. А дождь льет и льет. Раскрашенные фургоны зооцирка намокли, полиняли. Ворота закрыты. Верблюда, напуганного внезапным ливнем, завели в стойло. В вольере у пони оживление. Настя пинает пустое ведро, из которого поят обычно животных, резко кричит на Семеныча:

— Тебя бы самого этой грязью напоить!

Пони лижет влажную руку Семеныча, который с улицы только что зашел его проведать.

— Ожил, родимый?! Пить захотел?! — ласково говорит он, не обращая внимания на Настину грубость, привычный к ней. — Ну, вот и хорошо, вот и слава богу!